

УДК 316.256; 316.258

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОРАЛИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОРРУПЦИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (ОТ МОРАЛИСТОВ К МУЛЬТИПАРАДИГМАЛЬНОСТИ)

© 2018 г.

*А.М. Нагимова, А.Ю. Михайлов*Нагимова Айсылу Мирзарифовна, д.соц.н.; доцент Казанского (Приволжского)
федерального университета
nagais@mail.ruМихайлов Александр Юрьевич, аспирант Центра перспективных экономических исследований
Академии наук Республики Татарстан, Казань
skygroove@mail.ru*Статья поступила в редакцию 20.11.2017**Статья принята к публикации 27.04.2018*

Представлен анализ научного дискурса конструирования определений коррупции как социального явления. Многообразие подходов измерения коррупции является причиной существования множественности определений коррупции как социального явления, что зачастую выступает причиной научных дискуссий ученых. Социологическая традиция определения коррупции включает в себя широкий спектр методов построения дефиниции коррупции, среди которых особое место занимает моралистская, или идеалистская, парадигма. Однако развитие социологических исследований, а также результаты изучения коррупции в рамках других социогуманитарных наук послужили базисом для выдвижения инструментально более полезных дефиниций коррупции. В их числе можно отметить классические исследования в рамках институционализма и функционализма, а также привносящие новизну социально-цензурный подход, метод социального конструирования реальности, мультипарадигмальный комплекс методов построения коррупции через так называемую «зонтную структуру». Ценность и значимость альтернативных подходов к исследованию коррупции заключаются в возможности разностороннего анализа дискурса данного сложного латентного социального явления и разработки наиболее подходящих методик в рамках прикладных исследований.

Ключевые слова: коррупция, моралистская традиция, протолиберальное понимание коррупции, функциональный подход, социально-цензурный подход, метод социального конструирования реальности, мультипарадигмальная «зонтная» структура коррупции.

Введение

Коррупция – социальный феномен, определение которого вызывает неоднозначные споры в научных кругах, несмотря на наличие множества исследовательских парадигм, посвященных решению вопроса его определения. Современные исследователи коррупции, занимающиеся практическими вопросами измерения и изучения эффектов коррупции, крайне неохотно используют длинные определения коррупции [1, р. 43]. Большинство ученых сходятся во мнении об универсальности определения, данного экспертами Всемирного банка, имеющего весьма минималистические очертания – коррупция определяется как «использование власти в личных целях» [1, р. 43]. Данное определение является основой для более широкого спектра определений, так как отмечает ключевой элемент коррупции, позволяет анализировать определенные виды коррупции и те формы, которые она может принимать.

Помимо сугубо инструментального подхода к определению коррупции по предмету иссле-

дования, существуют также концепции определения коррупции через способ построения дефиниции. В социологии и в науках, связанных с изучением функционирования государственного аппарата, принято выделять несколько таких подходов. Это, прежде всего, широко представленный в исторической ретроспективе моралистский подход, а также функциональный, социально-цензурный и подход социального конструирования реальности [2, р. 3]. Выделяют мультипарадигмальный подход, схожий по своему духу с инструментальным подходом к определению коррупции. В рамках данной статьи остановимся подробнее на каждом из них, обозначив при этом трансформацию корневого концепта, несущего основную смысловую нагрузку. В качестве гипотезы исследования выдвигается утверждение, что становление концепта коррупции имеет прямую связь с развитием собственно научного гуманитарного знания – конкретные этапы традиций ее определения сводятся к преобладанию философской (идеалистической), либеральной, инструмен-

тальной и мультипарадигмальной (современной) точек зрения, что можно соотнести с определенными этапами развития гуманитарного знания от философии к целому спектру наук с соответствующим категориальным аппаратом. Следовательно, основной целью исследования в данной статье является анализ научного дискурса становления социологической интерпретации понятия «коррупция».

Методология

Основной методологии исследования обозначенной проблемы является метод анализа дискурса определения коррупции как социального явления в его ретроспективном разрезе с последующим логическим сопоставлением общего исторического развития науки. В качестве объекта анализа в данной работе выступает совокупность значений и трансформации смысловой нагрузки термина «коррупция» и соотносимых с коррупцией явлений. Доминантными линиями структуры интерпретации коррупции в научном сообществе в данном случае выступают моралистский (морально-правовой в более позднем варианте), протолиберальный и современные социально-цензурный, социально-конструктивистский и мультипарадигмальный подходы.

Результаты исследования

Моралистский подход, как первый подход среди множества других, получил широкое распространение благодаря историческому преобладанию во временной протяженности. Моралисты, по выражению Гоулда, видят коррупцию как «бессмертный и лишенный этики феномен, который содержит в себе отклонение от моральных стандартов общества, вызывающий потерю авторитета и поддержки существующей власти» [2, р. 3].

Впервые о коррупции заговорили независимо друг от друга представители античной Греции и Рима, а также Древней Индии. Происхождением слова «коррупция» мы обязаны римскому праву, в частности, слово буквально является объединением двух корней – *cor* – сердце, суть, рассудок и *ruptum* – портить, разрушать [3, с. 29]. Существует иная точка зрения относительно этимологии термина «коррупция». Например, Ричард Мулган, известный исследователь трудов ученых античности, говорит о некоем понятии *pthora*, которое вводит Платон и развивает впоследствии Аристотель для противопоставления идеальным типам государственного правления. В частности, Р. Мулган замечает, что впоследствии слово *pthora* было латинизировано и преобразовано в *corruptio* [4, р. 29].

В отличие от традиционного понимания коррупции, термин *pthora* означал полный развал государственности в противопоставлении с состоянием «преобразования в бытие» [4, р. 29]. Как последователи онтологического дуализма, Аристотель и Платон понимают коррупцию в свете полного искажения идеальных типов государственного правления, что вполне резонно отличается от современного понимания коррупции, редко сводящего коррупцию к полному уничтожению государственности, а лишь стремящегося к нему.

В Древней Индии проблему коррупции впервые затронул Каутилья в своде трудов «Артхашастра» еще в 4 в. до н.э., где он, в частности, говорит о важности функции чиновников, распоряжающихся имуществом (которые в первую очередь находятся в так называемом «коррупционном поле»). Каутилья сводит коррупцию преимущественно к взяточничеству и казнокрадству [5, р. 378]. По замечанию индийского исследователя коррупции Арупа Кантара, «если бы Каутилья писал “Артхашастру” сегодня, то его 40 коррупционных практик и пониманий преобразовались бы в 40 миллиардов практик...» [6, р. 81].

Приведенное выше высказывание наиболее точно выражает все многообразие форм проявления коррупции, что, в свою очередь, приводит к экспоненциальному росту определений, которые стремятся сузить круг предметной области коррупции, но тем самым все более расширяя дефиницию коррупции.

Обратимся непосредственно к этимологической стороне вопроса, а именно к дефиниции слова «коррупция» в толковых словарях. В частности, толковый словарь Ожегова приводит следующее определение коррупции: «...моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве и срастании с мафиозными структурами...» [7]. Словарь Webster добавляет к вышеупомянутому значению еще и «моральный распад, а также обесценивание единения, добродетели или моральных принципов...» [8, р. 1].

Как видно из приведенных определений, коррупция зачастую не ограничивается взяточничеством и казнокрадством, к ней также относят очень важную составляющую, без которой невозможно существование коррупции как таковой, – это мораль. Мораль является той самой красной нитью, которая пронизывает большинство учений о государстве и праве, обществе, когда дело касается коррупции.

Сторонниками так называемого идеалистического, или морально-правового, подхода яв-

ляются с некоторыми оговорками Платон, Аристотель, Цицерон, а также их последователи в Средние века Аврелий Августин и Фома Аквинский. Преобладание морали как основного контрагента разложения государственных институтов, как справедливо замечает Манухья Бархам, является соединением догматов церковной жизни с трудами Цицерона и римских юристов, получивших тогда широкое распространение среди образованных (по большому счету ограниченных монастырями) людей того времени [9, р. 53]. Особого упоминания заслуживает схоласт Иоанн Солсберийский, который впервые использует понятие Цицерона *utilitas publica* (общественное благо). Иоанн Солсберийский говорит о том, что в своих действиях правитель на земле ограничен лишь общественным благом, которое находится под защитой закона. В случае нарушения закона правитель превращается в тирана, что является коррумпированной формой монархии [9, р. 53].

Данную идею с коллективным благом развивает также Фома Аквинский. В частности, он говорит, что правитель обязан держать в уме общественное благо, поэтому коррумпированным правителем считается тот, кто ставит собственные личные интересы выше общественных [9, р. 58]. Аналогичного мнения придерживались последователи идей ранних гуманистов Николо Макиавелли и Франческо Гвиччардини, которые описывали причины величия итальянских городов-государств и их провалов. Единственное отличие от схоластов сводится к использованию понятия факции – понятия, близкого к лобби-группе [9, р. 65]. Как отмечает Мария Шедий, данное определение коррупции через превалирование частных интересов над общественными считается наиболее точным и до сих пор популярно среди исследователей [3, с. 32].

Еще один представитель моралистского подхода Марсилий Падуанский рассматривает коррупцию как моральную и физическую деградацию, используя термины «извращение», «преступность», что однозначно определяется как «преднамеренно неверное действие», а также «инфекция», что уподобляет коррупцию болезни с соответствующими причинами и эффектами, требующими лечения [10, р. 78].

В схожем русле рассматривает коррупционные отношения и Шарль-Луи Монтескье, который видит слабость государственного механизма в отсутствии морали и несоблюдении общепринятых законов [10, р. 79]. Являясь ярким сторонником привития правовой и моральной культуры, Монтескье идеализирует роль декларативных норм [10, р. 78].

В противовес точке зрения Монтескье следует выделить воззрения Томаса Гоббса на при-

роду человека. Ссылаясь на эгоистические установки человеческого сознания, Гоббс видит в них природу коррупционных отношений и их общего антигосударственного характера [10, р. 79]. Серьезным отличием воззрений Гоббса от гуманистического направления эпохи Просвещения следует считать отрицание морали как общественно значимого регулятора, а значит, Гоббс противопоставляется Монтескье в понимании коррупции ровно так же, как реалист идеалисту в правовом русле.

Следующим этапом становится переход от классического, традиционного понимания коррупции к протолиберальному. Так, Адам Смит говорит о коррупции как о некоем действии против либеральных ценностей, что, в свою очередь, позволяет его отнести к первым сторонникам либеральной интерпретации коррупции. Коррупцию в понимании Адама Смита следует трактовать как «девиацию от здоровых или природных условий...» [11, р. 103]. Данное Смитом понимание рынка как естественного, или «здорового», условия функционирования государства послужило началом для толкования отношения коррупции и либеральных ценностей, то есть общественное благо рассматривалось сквозь призму свобод и прав индивидуума.

Определение, данное еще Макиавелли и усовершенствованное Смитом, служит базисом для определения коррупции и в наши дни, но с единственной оговоркой – для увеличения операционной полезности нивелируется моралистическая составляющая. В частности, такие организации, как Международный валютный фонд и Организация экономического сотрудничества и развития, определяют коррупцию как «использование публичной власти в личных целях, которое вредит общественному интересу...» [12, р. 3]. В то же время «Транспаренси Интернейшнл», специализирующаяся на исследованиях уровня восприятия коррупции, дает более простую дефиницию коррупции, делая упор на публичный сектор: «...использование вверенной власти в личных целях...» [12, р. 3].

Несмотря на кажущуюся простоту определения и восприятия данных суждений на уровне здравого смысла и восприятия на обыденном уровне, формирование дефиниции по методологии моралистов вызывает ряд трудностей. Данная концепция придает индивидуальный характер социетальным факторам и приводит к определению дихотомии плохого и хорошего. В итоге социетальный контекст может быть попросту проигнорирован, и важные практико-ориентированные нормы не анализируются [13, р. 43]. Следовательно, моралистский подход к исследованию коррупции является инструмен-

тально мало применимым в свете необходимости четкой операционализации понятий в процессе ограничения круга этих самых определений.

В определенной степени последователем моралистской традиции исследования коррупции следует считать подход, появившийся в русле классического институционализма. Согласно данному подходу, коррупция определяется как нарушение свода правил, определяющих общественные обязательства, для получения персональных выгод. Тем не менее полезность этого определения становится спорной с того момента, как начали признавать весомость власти в определении закона и неопределенность правовых кодексов [8, р. 3]. Данная точка зрения была выдвинута во многом благодаря школе критиков закона, развивавшейся в американской юриспруденции в 1970-х гг. как протестное движение против мощных групп интереса, ставящих собственные выгоды выше общественных, а также благодаря реалистам. Это определение дало весомое основание для исследований в сфере соотношения понятий «коррупция» и «группа интереса». В частности, это произошло благодаря вынесению на повестку дня научной общественности того факта, что отсутствие фиксации коррупции совсем не обязательно является ее полным отсутствием на самом деле, поскольку группы интересов могут напрямую влиять на процесс законотворчества и менять существующий кодекс законов к собственной выгоде, что, в свою очередь, выливается в недообогащение соперников – групп интересов и, зачастую, всего общества [8, р. 4].

Идеи институционализма приводят к мысли, что толкование кодексов играет решающую роль в социальных инициативах, а также о маловероятности объективности «закона» самого по себе. В целом, определение в данном ключе, казалось бы, четкое по своей структуре, скрывает трудности выявления коррупционных действий согласно одному однозначному стандарту [8, р. 4].

Представители функционального подхода, выступающие как главные оппоненты моралистов, определяют коррупцию, основываясь на ее практической функции, которую она выполняет в обществе. Исходя из этого весьма последовательным представляется их умозаключение об утилитарной функции коррупции в построении базиса экономики. Новаторство функционального подхода заключается в отходе от тривиальной трактовки коррупции как однозначно негативного явления, что является серьезным шагом в сторону объективизации научного знания. Критики функционального подхода, в свою очередь, говорят об их чрезмерном увлечении самими действиями в ущерб решению вопроса

о происхождении коррупционных практик, а также игнорировании важной роли девиаций и отсутствия власти у обывателя, задействованного в коррупционных практиках. Помимо указанных выше, упускаются из поля зрения исследователя такие весьма серьезные аспекты, как интересы, установки участников транзакции и социальная структура в целом [1, р. 3].

Следующие два наиболее поздних подхода к определению коррупции – социально-цензурный и подход социального конструирования реальности – серьезно отличаются от функционального и моралистского прежде всего оценкой с точки зрения более широкой социетальной перспективы. В частности, социально-цензурный подход базируется на понимании коррупции через способность государственного аппарата воспроизводить частную форму социальных отношений и особом акценте на взаимодействии закона, идеологии и политической экономии [1, р. 3]. В то же время представители социального конструирования реальности видят в коррупции проблему, а вовлеченные участники транзакции могут быть изучены путем соотнесения их самих с их социальными позициями, интересами и установками точно так же, как политические, экономические и социальные условия существования индивидов [1, р. 3].

Современный этап развития социологии коррупции характеризуется отходом от дефиниций исключительно общефилософскими категориями в сторону изучения конкретного проявления коррупции даже в рамках единичной попытки дефиниции коррупции как социального явления. По замечанию Джона Мутоны, принятие на вооружение методик моралистов, функционалистов и сторонников социального конструирования реальности позволяет концептуализировать коррупционное поведение через следующие составляющие:

– взяточничество – ситуация, когда определенная группа лиц или индивид предлагает или обещает деньги или возможности взамен принятия важных для группы лиц или индивида решений. Существуют различные вариации взяточничества, в т.ч. вымогательство взятки или ее предложение (соответственно активное и пассивное взяточничество);

– вымогательство – ситуация, при которой чиновник требует денег или любой другой материальной выгоды за свое действие или бездействие;

– хищение имущества – предполагает использование чужого имущества (чаще всего государственного или имущества фондов) в собственных целях;

– мошенничество, при котором подрядчик делает переоценку изначально оговоренного контракта в сторону повышения без улучшения качества работы или изменяет спецификации и время завершения работ для возмещения стоимости взяток. Оно также включает в себя поставщиков, которые взимают платы за услуги, но никогда их не окажут;

– конфликт интересов – ситуация, в которой чиновник может получить выгоду от принятия официального решения. Это может включать в себя участие в операциях или принятие позиции или «стороннего» коммерческого интереса, что несовместимо с его официальной ролью или обязанностью. Примером может служить передача государственного контракта компании, бенефициаром которой является непосредственно гражданский служащий, участвовавший в принятии решения;

– злоупотребление властью или злоупотребление оказанным доверием, когда государственный служащий использует свое положение, чтобы сделать выгодные для себя (не обязательно в материальном плане) решения вопросов распределения государственных ресурсов. Злоупотребления могут включать в себя и нарушение обычных обязательств, например разглашение различной информации о покупке конкурентам [4, р. 44].

Современная социология коррупции, как уже отмечалось, сводит раскрытие дефиниции коррупции к ее конкретным проявлениям, то есть к содержанию. Наиболее последовательным в вопросе раскрытия содержания различных форм коррупции представляется известный исследователь коррупции, проповедующий мультипарадигмальный подход, Бо Ротштейн. Его так называемая «зонтичная» структура коррупции как объединяющего понятия получила широкое признание научной общественности. Особо следует отметить утилитарную функцию данного подхода – коррупция и смежные с ней понятия представлены в виде кругов Эйлера, пересекающихся, но не накладывающихся друг на друга полностью, что весьма точно отражает природу коррупции как социального явления [14, р. 54]. В частности, Бо Ротштейн анализирует 4 понятия: клиентелизм, патронаж, патримониализм, а также захват государства или срастание с государственным аппаратом. Отметим наиболее важные элементы каждого из этих понятий.

Первое приводимое понятие – клиентелизм развилось благодаря теории модернизации, получившей распространение в социологии и политологии. Данное явление, по свидетельству большинства ученых – сторонников модернизационной теории, было характерной чертой раз-

вивающихся стран Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Под клиентелизмом принято понимать распределение выгод, связанных со служебным положением, среди группы лиц в обмен на политическую поддержку [14, р. 55]. Хотя существует и другая точка зрения, характеризующая клиентелизм как свод неформальных установок, играющих роль полноценного социального института [15, р. 3].

Второй концепт, приводимый Ротштейном и похожий по содержанию на клиентелизм, это патронаж. Понимание патронажа разнится в научных подходах. С одной стороны, патронаж понимается как социальное взаимоотношение, с другой стороны, как инструмент управления [14, р. 64]. Единственное, на чем сходятся большинство исследователей патронажа как социального явления – это наличие структурных элементов (патрона, главенствующего над группой, и клиентов, которые относятся к управляемой группе) [14, р. 68].

Другим определением, имеющим подобные характеристики, становится патримониализм, который со времен Вебера был возвращен в русло социологии Гюнтером Ротом [14, р. 73]. Данный концепт необходимо рассматривать как «метаморфозу клиентелизма и патронажа, а может быть, и как явление, сочетающее в себе эти два понятия...» [14, р. 74]. Традиционно патримониализм используют для анализа отношений внутри традиционных обществ, что связано непосредственно с этимологическим происхождением слова «патримониализм» – власть лидера отождествляется с властью духовного покровителя и отца.

Еще одной концепцией, заслуживающей внимания исследователя коррупции, является концепция захвата государства, которая представляется самой молодой в гуманитарных науках. Согласно определению Хелмана, захват государства может быть определен как формирование основных правил игры (то есть законов, постановлений и правил) с использованием незаконных и непрозрачных форм платежей гражданским служащим [14, р. 68]. По замечанию Ротштейна, данная сфера является «одной из серых зон исследований коррупции, так как это интеракция между частным и государственным сектором, т.е. между определенной группой лиц и непосредственно государством» [14, р. 77]. Государство захватывается через политические механизмы, трактуемые в пользу групп интереса (фирм, местных элит) при значительной социальной стоимости принимаемых решений. Следовательно, концепция «захвата государства» интерпретирует коррупцию в русле подчинения государственной сферы частным интересам.

Таблица

Исторический этап развития науки, преобладающая парадигма	Подход к определению коррупции	Ключевое понятие определения (с чем сравнивается, соотносится или исключается)
Античная философия, эпоха формирования первых протонаук, формирование государственности	Морально-правовой	Мораль
Схоластическая философия	Морально-правовой	Узурпация общественного блага (Utilitas Publica)
Материализм А.Смита и А. Фергюсона	Протолиберальный	Притеснение индивидуальных либеральных ценностей
Классический институционализм, школа «законников» в США в 1970-х гг.	Институциональный	Нарушение установленных обществом правил
Неопатримониализм, последователи французских ученых, исследовавших страны третьего мира	Функциональный	Инструмент решения проблем
Конструктивизм	Социально-цензурный	Нарушение общественно установленных правил (только общество здесь активный участник законотворчества)
Конструктивизм	Конструирование реальности	Нарушение установленных правил (ученый ставит себя на место изучаемого участника транзакции)
Мультипарадигмальный подход	«Зонтичная» структура коррупции	Девиация; целый комплекс взаимосвязанных концептов, фокус внимания смещается на причину, а не на следствие

В таблице отражены основные результаты проведенной работы в виде соотнесения временных рамок развития науки, научного подхода к определению и ключевое понятие самого определения.

Заключение

Подводя итог анализа научного дискурса определения коррупции, следует сказать об отсутствии какого-либо однозначного толкования коррупции как социального явления. Более того, само по себе социологическое определение предметного поля коррупции представляется весьма непростым в свете существующего множества подходов. Как показывает практика, многие ученые попросту сторонятся дефиниции коррупции под собственным авторством, вследствие чего зачастую представляется довольно сложно понять, что именно подразумевает под коррупцией тот или иной автор. Чаще всего исследователи исходят из значения утилитарной функции того или иного понятия. Выражаясь более предметно, мнения ученых относительно определения концепта коррупции колеблются между двумя полюсами – определением через дихотомию «добро – зло», с одной стороны, или же через выявление функциональной нагрузки коррупции как социального явления и восприятия коррупции в глазах исследуемой группы населения. Лишь исходя из анализа выводов и

результатов исследования можно сделать умозаключение о близости понимания коррупции автором к той или иной традиции изучения коррупции.

Таким образом, можно отметить, что социологическая интерпретация такого сложного и вместе с тем латентного социального явления, как коррупция, основывается на богатой традиции социально-философского и экономического анализа проблемы, а выдвинутая авторами гипотеза относительно схожести развития концепта коррупции и исторического развития наук гуманитарного цикла находит свое подтверждение в возникновении и существовании тех или иных традиций определения коррупции в конкретный промежуток времени.

Список литературы

1. Mutonyi J.P. Approaches to the Control of Corruption in the Public Procurement in Kenya: An Institutional Analyses: submitted in fulfillment/partial fulfillment of the requirements for the degree Doctor Philo-
sophae. Leicester, 2003. 247 p.
2. Khan Mohammad M. Political and Administrative Corruption: Concepts, Comparative Experiences and Bangladesh Case. A Paper prepared for Transparency International. 2004. 20 p.
3. Шедий М.В. Коррупция как социальное явление: социологический анализ: Дис. ...д-ра соц. наук. М., 2014. 393 с.
4. Mulgan R. Aristotle on Legality and Corruption // Corruption: Expanding the Focus. ANU E Press, 2012. P. 25–36.

5. Gupta Akhil. Blurred Boundaries: the Discourse of Corruption, the Culture of Politics and the Imagined State // *American Ethnologist*. 1995. Vol. 22. № 2. P. 375–402.
6. Kanur Arup Kanti. A Paradox of Corporate Perceptions and Perpetuation of Corruption // *Journal of Social Sciences*. 2009. Vol. 18. № 2. P. 81–93.
7. Ожегов С.П. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ожегова. Режим доступа: <http://www.ozhegov.com/words/13304.shtml>, свободный (дата обращения: 05.04.2016).
8. Pellegrini L. Economic Analysis of Corruption // *Institute of Social Studies Working Paper*. 2007: Nov. 13 p.
9. Barcham M. Rule by Natural Reason: Late Medieval and Early Renaissance Conceptions of Political Corruption // *Corruption: Expanding the Focus*. ANU E Press, 2012. P. 53–73.
10. Buchan B. Changing Contours of Corruption in Western Political Thought // *Corruption: Expanding the Focus*. ANU E Press, 2012. P. 73–96.
11. Hill L. Ideas of Corruption in the Eighteenth Century: The Competing Conceptions of Adam Ferguson and Adam Smith // *Corruption: Expanding the Focus*. ANU E Press, 2012. P. 97–112.
12. Hsu Yuan-Ho. Is Corruption a Grabbing Hand? A Panel Data Study of FDI // *National Cheng-Kung University Working Paper*. 2007. 18 p.
13. Majila V.T. A Comparative Analysis of Anti-Corruption Legislation and Anti-Corruption Agencies in the Eastern Cape and Northern Cape Provinces: A Governance Perspective: submitted in fulfillment/partial fulfillment of the requirements for the degree Doctor Philosophiae (Public Administration). Port Elizabeth, 2012. 329 p.
14. Rothstein Bo. Corruption and the Opposite to Corruption: A Map of the Conceptual Landscape // *The QOG University Working Paper*. 2014. P. 15–111.
15. Muno W. Conceptualising and Measuring Clientelism // A paper prepared for the Workshop on Neopatrimonialism in Various World Regions, The German Institute of Global and Area Studies. 2010. 18 p.
16. Graf Lambsdorff J. Corruption and Rent-seeking // *Public Choice*. 2002. Vol. 113. P. 97–125.

**TRANSFORMATION OF THE MORALISTIC TRADITION
OF DEFINING CORRUPTION IN SOCIOLOGICAL DISCOURSE
(FROM MORALISTS TO MULTI-PARADIGM APPROACH)**

A.M. Nagimova,¹ A.Yu. Mikhaylov²

¹Kazan Federal University

²Center for Advanced Economic Research, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

In this paper, we present an analysis of the scientific discourse of constructing definitions of corruption as a social phenomenon. Due to the variety of approaches to measuring corruption, there are many different definitions of corruption as a social phenomenon, which often causes discussions among scientists. The sociological tradition of defining corruption includes a wide range of methods for constructing the definition, and the moralistic or idealistic paradigm occupies a special place among these methods. However, the development of sociological research in this field, as well as the study of corruption in other socio-humanitarian sciences, provide the basis for the development of instrumentally more useful definitions of corruption. One can name in this connection the institutional and functional paradigms, as well as the social censorship approach, the method of social construction of reality, the multi-paradigm «umbrella» structure of corruption, and some others. The significance of the multi-paradigm approach to the study of corruption definition lies in the possibility of a comprehensive analysis of this complex, latent social phenomenon and the development of the most appropriate techniques in applied research.

Keywords: corruption, moralistic tradition, proto-liberal understanding of corruption, functional approach, social censorship approach, method of social construction of reality, multi-paradigm «umbrella» structure of corruption.